

ФЕДОР БАКШТ

ОТ ТАРТУ ДО НАРЫМА

Три главы из книги «Моя семья»

Томск, РИА «Тоян», 2011

© Ф. Бакшт

МИР ВОКРУГ НАС

Много важных событий происходило в 1939 году. 23 августа СССР заключил пакт о ненападении с Гитлером. Советские войска (в сентябре) вошли в Западную Украину и Западную Белоруссию. Началась Вторая мировая война...

Мы, дети, внимательно прислушивались к разговорам взрослых и тоже обсуждали события, происходившие вокруг нас. Разумеется, что воспринимались они нами хоть и своеобразно, но вполне серьезно.

Например, когда над нами пролетали редкие самолеты, мы на полном серьезе рассуждали:

— Опять фашист Риббентроп летит в Москву! Будет дружить с Молотовым и со Сталиным. Будут договариваться, куда девать своих евреев, тех, кто еще остался в Германии...

Тут требуются небольшие пояснения.

Дело в том, что в нашем Тарту, как и во всей Эстонии и Прибалтике, издавна жило много немцев и евреев — выходцев из Германии. Евреев, конечно, было меньше. А в 1930-х годах появилось много новых «немецких» евреев-беженцев из Германии, Австрии, Чехословакии и Мемеля (Клайпеды). Тех, кто решился покинуть нацистскую Германию и смог это сделать. Дети-«немцы» жили рядом с нами, мы все учились и играли вместе. Они рассказывали, как раньше там евреям хорошо жилось, и как сейчас плохо всем, кому пришлось уехать, оставив там все: работу, друзей, дом, книги. Хорошо только тем, кто смогли уехать в Америку. Но Америка так далеко!

А настоящих немецких детей в Тарту не стало. Они с родителями все вдруг уехали в Германию. В 1939 году Гитлер объявил: арийцы, все до одного, должны вернуться на свою историческую родину. По его призыву Прибалтику покинули все немцы, предки которых жили здесь сотни лет.

Естественно, что даже для нас, школьников, этот вопрос о судьбе евреев отнюдь не был риторическим, а практическим. Если взрослые, наши родители, не находили ответа на этот жизненно важный вопрос, то каково было нам, несмышленишкам? Государства Израиль тогда еще не было и в помине.

Некоторые из нас, повторяя услышанные дома слова старших, говорили:

— А мы уедем в Палестину. Отец уже собирается.

Другие рассуждали совершенно иначе:

— Никому мы не мешаем, никому мы не нужны. Евреи жили здесь повсюду долго-долго, и дальше проживем. Бог спасет нас...

А третьи уповали на Россию:

— Моя бабушка в восемнадцатом году эвакуировалась от немцев в Псков. Русские приняли их с сочувствием, помогли. Кормили хорошо и вкусно. А потом они вернулась в Ригу. И все закончилось благополучно.

К этим, третьим, относилось и младшее поколение моей семьи, двоюродные братья Яша и Алик Капланы, чьи предки (со

стороны их отца) жили в Пскове. Наши родители, как и жившие недалеко от нас дедушка и бабушка Бакшты не проявляли особого беспокойства по поводу своего будущего. Они не поехали в Палестину, надеясь на Бога, и, возможно, на Россию. Для них, приехавших в Тарту не из Европы, а с востока, из России и Белоруссии, пребывание в Эстонии было приемлемым вариантом.

Но мы знали, что Советский Союз воюет с Финляндией. В Эстонии, в стране, очень близкой к Финляндии географически и исторически, эта война воспринималась с особой болью и недоумением. Эстонцы очень сочувствовали финнам, надеялись, что им поможет вся Европа, и все наладится. Но оказалось, что все не так просто, и все только усложнялось.

Нашему детскому разуму не дано было понять: почему финны оказываются для Советского Союза хуже, чем германские фашисты? Это прямо следовало из советской прессы, даже детской, которая в изобилии имела в нашем доме. О подвигах красноармейцев в снегах Карельского перешейка писали газета «Пионерская правда», журналы «Пионер», «Мурзилка» и др. Но в эстонских источниках все говорилось как раз наоборот: об успехах финских солдат...

А в Таллинн приезжали представители Германии. Правительство президента Пятса вело свою политику, угождая то Гитлеру, то Советам. Пакт о взаимопомощи между СССР и Эстонией был подписан 28 сентября 1939 года, в тот же день, что и пакт Молотова-Риббентропа. Население Эстонии жило надеждами и верой в Бога. Дети играли в войну, кто-то был русским, кто-то немцем. Побеждали, конечно, эстонцы.

И вот пришел день, когда мы воочию увидели настоящих красноармейцев. Этот день 17 июня 1940 года я хорошо помню.

Уже утром дома, во дворе и на улице все заговорили о том, что на станции разгружаются военные эшелоны, похожие на русские. Перед обедом со стороны вокзала, действительно, стал доноситься какой-то сильный и непонятный шум.

Как же не посмотреть на такие вещи? Как не увидеть все то, о чем мы раньше только читали в газетах и журналах: пехоту, танки, пушки и все остальное?

Дойти до вокзала мне, тогда уже второкласснику, как и соседским мальчишкам, не составляло никакого труда: всего-то минут

пятнадцать хода. Но до станции идти не пришлось: уже на ближайшей большой улице — Рижском шоссе (Riia maantel) — путь нам преградила воинская колонна, спускавшаяся к реке Эмайыги. Сначала мы увидели красноармейцев. Они шагали очень медленно, возможно, потому, что впереди еле-еле ползли трактора с большими пушками на прицепах. Советские тягачи мы узнали сразу — это были ЧТЗ и СТЗ, то есть трескучие гусеничные тракторы Челябинского и Сталинградского заводов.

Бойцы выглядели уставшими и какими-то сонными. Они были в пилотках, с винтовками и со скатками шинелей на плечах, и не в сапогах, а в ботинках с обмотками. Такой вид обуви нам тогда еще не был знаком (впрочем, сейчас, спустя семьдесят лет, эта простая и остроумная штатная обувь русских солдат уже забыта).

А за пехотой опять пошли автомобили, поползли танки и тягачи-трактора, которые волокли за собой сани с каким-то грузом под брезентом. Груз, очевидно, был очень тяжелым — деревянные полозья громадных саней буквально дымились от долгого трения о бульжники мостовой. Почему-то этот синий запашистый дымок произвел на нас, мальчишек, большее впечатление, чем солдаты и пушки...

Наверное, это для нас, малышей, было непонятно. Так же, как было, не понятно все происходившее большинству взрослых, молча и напряженно взиравших с тротуаров на невесть откуда и зачем взявшуюся Красную Армию.

Да, люди молчали. Никаких протестующих возгласов не слышалось. Но не было и радостных лиц, букетов и плакатов. Может быть, где-то, в Таллинне и в других рабочих городах, такие встречи и происходили: потом показывали же что-то в киножурнале «Новости дня»? И газеты писали о том, как народ приветствует защитников трудящихся, то есть простых людей Эстонии, Латвии, Литвы. А в народе множились слухи о советских подземных аэродромах и больших танках, которые не пустят к нам немцев.

Мы, ребяташки, тоже обсуждали увиденное и планировали походы за город, чтобы рассмотреть эти самые аэродромы...

Дома было тревожно, но, в общем, спокойно. Для нашей семьи, русскоязычной и русскокультурной, приход Красной Армии не представлялся трагическим событием. Во всяком случае, каза-

лось, что ничего страшного не произошло. Многие люди считали, что теперь, после того, как в Эстонию, бывшей независимой с 1918 года, снова пришла Красная Армия, все встанет на свое место. Сыграло свою роль и то, что в Эстонии были и коммунисты (немного более ста), в том числе и евреи.

Конечно, так думали далеко не все в Эстонии — и дети, и взрослые. Но в нашем доме полагали, что решено главное: теперь немцы к нам не придут. Так считал папа, будучи активным членом МОПРа (международного Общества помощи революционерам). С ним соглашалась и мама, бывшая бейтарка (член общества «Бейтар» — еврейского «Союза сионистов»). Наш отец мог себя называть сочувствующим социалистам — их идеи в чем-то были близки к устремлениям сионистов.

Хуже или лучше, но, как казалось, с возвратом Эстонии в Россию появилась какая-то определенность.

Через две недели после прихода Красной Армии (6 августа) в Эстонии, как и во всей Прибалтике, была провозглашена новая советская власть. Эстония стала 16-й республикой Советского Союза. Этот процесс прошел бескровно. Газеты даже писали о радостных встречах русской армии, о торжестве трудового народа, о восстановлении (через 22 года) советской власти.

Став взрослым, я узнал, что почти все еврейские организации и общества Эстонии (более 30), включая студенческие, были вскоре распущены, том числе общество Хашмонай (Hasmonea).

Эта не очень многочисленная организация, поддерживавшая сионистов-ревизионистов, существовала в Тарту с 1923 до 1940 года, а Борис Бакшт был в ней довольно активным участником. Об этом можно судить по сохранившемуся фото 1928 года.

Список организаций, подлежащих ликвидации, подготовила левая (прокоммунистическая) еврейская организация «Licht» («Свет»).

Закрылась кафедра иудаистики в университете, в еврейских учебных заведениях, в том числе и в нашей школе, исключили из программы иврит и историю еврейского народа, стали вести занятия на идиш. Вскоре начались аресты членов состоятельных семей, активистов еврейских политических обществ и объединений, деятелей общины.

Фирма «Бакшт и сыновья» была национализирована и перестала существовать. Ее стоимость оценили в 537 961 (по другим данным сто тысяч) эстонских крон.

Тогда были национализированы многие частные дома и все предприятия. Иногда владельцы оставались на работе, даже в администрации. Наш отец стал инженером-экономистом в отделе снабжения Тартуской гребеночной фабрики (Tartu kammivabrik).

Мама тоже продолжала работать. Еще зимой 1939/40 года она работала врачом в городской детской консультации и в университетской детской клинике, где трудилась бесплатно. Но так нарабатывался стаж, приобретался бесценный опыт, который позволил бы, какое-то время спустя, заняться частной практикой.

Осенью 1940 года она была назначена Горздравом г. Тарту на должность врача-терапевта городской поликлиники. Тогда же ее признали военнообязанной. Получив официальную должность врача-терапевта теперь уже в Центральной городской поликлинике, она стала состоять на государственной службе, чем немало гордилась. Вступила в профсоюз медработников, исправно платила взносы, очередной взнос был внесен 11 июня 1941 года. Мама тогда не знала, что этот ее взнос станет последним в Тарту.

Мама лечила больных в клинике и ездила на больничном автомобиле по вызовам. Ее профессиональной деятельности спо-

собствовали хорошая семилетняя университетская подготовка, определенный опыт, полученный в ординатуре и, что очень важно, свободное владение языками — эстонским, русским, еврейскими (идиш и иврит) и немецким.

Иногда мама брала меня с собой в поездки по городу, чему я очень радовался — ведь автомобили в Тарту тогда были редкостью. И мне откровенно нравилось смотреть, как маму уважительно принимают разные люди, слушаются ее и благодарят.

В нашем жизненном укладе, на мой детский взгляд, мало что изменилось. Добавилось русских книг и газет. С улиц исчезли немецкие вывески. В магазинах эстонские кроны и сенты сменились рублями и копейками. Для многих это было внове, но только не нам: бабушка Люба и до того в разговорах часто называла сенты более привычными для нее копейками.

У меня, восьмилетнего, уже появились какие-то домашние обязанности. Например, мне поручалось ходить в ближайший магазин за небольшими покупками. Взрослые жаловались, что кое-что с прилавков исчезло, но товары первой необходимости еще имелись в достатке. На рубль, без сдачи, я покупал банку (полкило) сметаны или килограмм печенья.

В кинотеатрах пошли советские фильмы. Мои старшие двоюродные братья, Алик и Яша Капланы, сводили меня в «звуковой» кинотеатр на фильмы «Ленин в октябре» и «Ленин в 1918 году». Братья серьезно и ответственно опекали меня. (К слову сказать, их участие и помощь я ощущаю до сих пор.) Это был мой первый в жизни «выход в свет» без взрослых. До этого я видел только детские картины — «Василиса прекрасная», «По щучьему велению», невероятно популярные и запомнившиеся буквально на всю жизнь (их можно увидеть и до сих пор). А потом появились и более серьезные фильмы — и советские («Чапаев», «Человек с ружьем»), и американские — «Гарзан» и еще какие-то, с Чарли Чаплиным и Ширли Темпл в главных ролях. Естественно, все эти кинокартины нам очень нравились. Эстонских фильмов я не помню: может, их и не было?

В еврейской гимназии изучали идиш и эстонский. С приходом советской власти и в школе, и в городе больше стал употребляться русский. Эстонский же для нас оставался «уличным» языком общения с соседями и почти во всех общественных местах..

Появились русские песни. В школе и на улицах, на листовках, распространялся советский гимн «Интернационал». Вместе с ним становился популярным и шлягер того времени — «Катюша». Эти две мелодии стали первыми (конечно, после новогодней «Елочки»), которые я запомнил.

Всей нашей семье, и детям, и взрослым, было проще, чем многим другим соседям, адаптироваться к изменившейся обстановке. Во-первых, мы знали русский и знали русских. Этому немало способствовали долгие рассказы недавно умершего деда и бабушки Любы про Москву, про Петербург, где они прожили молодые годы и нашли друг друга. Во-вторых, отец с матерью, имея университетское образование и специальность, надеялись и при новой власти не потерять свое место в обществе.

Тем не менее, зная русскую историю, они трезво смотрели на жизнь. Обсуждая слухи о жестокости НКВД, отец называл энкаведешников опричниками. Основания к тому были: в городе шли аресты. Весной 1941 года начались разговоры о том, что составляются списки для высылки кого-то из Эстонии в Сибирь. Но этим слухам у нас не очень верили. Может быть, просто не хотели верить...

А где-то незримо все же присутствовала война. Она была рядом с нами. Из Европы, из Польши приходили безрадостные новости, обсуждавшиеся и взрослыми, и детьми. О возможности, вероятности войны Советского Союза с Гитлером говорила мама, возвращавшаяся с работы. Как-то она даже сказала, что в больнице их всех поставили на военно-медицинский учет. И в случае войны мама будет капитаном медслужбы.

Но маме не суждено было стать военврачом. Так же, как папе не пришлось вернуться на военную службу, хотя он до того отслужил

в эстонской армии артиллеристом и часто вспоминал о своей военной специальности. В его кабинете рядом с изящной студенческой шпагой висела большая сабля, какие выдавали в конной артиллерии.

Вся наша жизнь круто изменилась за неделю до войны. Пришел «черный шаббат»¹ – пятница 13 июня 1941 г.

ЧЕРНАЯ ПЯТНИЦА ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ ШАБАТ

Было далеко за полночь...

Весь дом проснулся от оглушительного стука в дверь. Непрошенных гостей впустил папа. Меня подняла мама:

— Вставай, сын! Одевайся! Сейчас поедем на вокзал.

Дом был заполнен людьми в форме энкаведешников, легко узнаваемых по голубым фуражкам с красным околышем. Их было несколько человек, может быть, пятеро или больше. Был и кто-то в штатском. Говорили они и на эстонском, и на русском.

Никакого обыска не делали. Просто в нем совершенно не было надобности, так как дом все равно оставался у них, а наша судьба уже была определена.

И не было никаких разговоров, опросов или допросов. Только спросили, вся ли наша семья — Борис, Анна, Теодор и Рина — в сборе и нет ли в доме посторонних. Так поступали в других домах, но не во всех. Но у нас они могли об этом и не спрашивать: в нашем доме посторонних не было, кроме няни-эстонки.

Отцу показали какую-то бумагу, из которой следовало, что нам надо быстро собираться, готовиться к немедленному отъезду. Нас высылают из Эстонии. Куда и почему — неизвестно.

¹ Шаббат – суббота, особый седьмой день недели у евреев, придерживающихся традиции, в который полагается воздерживаться от работы.

В архиве Информационного центра УВД по Томской области в 2009 году я увидел копию этого документа: «Постановление» о высылке за пределы Эстонской ССР, подписанное каким-то сержантом НКГБ и утвержденное полковником, председателем какой-то «чрезвычайной тройки». Рядом с этим «Постановлением», в лично-учетном деле спецпоселенки Бакшт А.С., хранящемся в том же архиве, сказано:

«...в 1941 г. по постановлению Оперативного штаба НКГБ Эстонской ССР от 10.07.41 г Бакшт Борис Шлемович, 1902 г.р., был арестован органами НКГБ. Его семья: жена Бакшт Анна Соломоновна, 1905 г.р., / «уроженка г. Рига, по национальности еврейка, беспартийная, образование высшее, вдова, по специальности врач»/, сын Бакшт Теодор Борисович, 1933г.р., дочь Бакшт Ирна Борисовна, 1938 г.р. — высланы из г. Тарту Эстонской ССР на спецпоселение Каргасокский район Томской области»²...

Там же имеется документ с несколько другой формулировкой:

«...Семья Бахита Бориса Шлемовича, состоящая из трех человек — жены Бакшт Анны, 1905 г.р., дочери Бакшт Рины, 1938 г.р., сына Бакшт Уви-Федора, 1933 г.р., на основании постановления Оперштаба НКГБ ЭССР от 10.07.1941 г., в связи с тем, что Бакшт Б.Ш. «арестован по обвинению в том, что имея галантерейную торговлю с годовым доходом 100 000 крон, которая национализирована», была назначена к выселению в отдаленную местность»³.

С этими документами мы ознакомились более чем через полвека, хотя и знали об их существовании.

² Архивное дело № 11761, л.д. 46. Информационный центр УВД по Томской области. Цитируется с сохранением орфографии по архивной справке № 4/Б-17 от 09.12.2001 г.

³ Архивное дело № 42192, л.д. 3. Информационного центра УВД по Томской области. Цитируется с сохранением орфографии по другой архивной справке с тем же номером № 4/Б-17 от 09.12.2001 г. В справках ошибочно указана дата 10.07.41г. вместо 10.06.41 г.

Среди сотрудников НКВД были также эстонские еврей-коммунисты, некоторые из них участвовали в составлении списков евреев, подлежащих аресту. Всего тогда было выслано около 10 процентов еврейского населения Эстонии, в том числе около 50-ти человек из Тарту. «Я согласен» — так завизировал рапорт о завершении «расследования» НКВД ЭССР заместитель начальника управления Якобсон⁴.

Основанием для очередной (четвертой по счету в СССР)⁵ депортации в июне 1941 г., было постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 14 мая 1941 г. «О выселении социально-чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии». Депортации подлежали семьи членов бывших националистических организаций; офицеров (в том числе даже служивших в Красной Армии); члены семей бывших крупных помещиков, фабрикантов и чиновников, полицейских, жандармов, охранников; члены семей бывших участников контрреволюционных организаций, ранее приговоренных к высшей мере наказания. Операция началась одновременно в Литве, Латвии и Эстонии. В ночь с 13 на 14 июня 1941 г. из республик Прибалтики было выселено 25 714 человек, в том числе из Эстонии около 11 тысяч душ. Среди них было около 400 евреев. Две трети из них составляли женщины, дети и старики⁶. При выселении людям разрешалось брать с собой только небольшой запас продовольствия, личные вещи и мелкий хозяйственный инвентарь.

На сборы в дорогу нам дали один час. Всего один час... Или целый час?

⁴ Архив Эстонского Еврейства (Estonian Jewry Archive).

⁵ Первая депортация — раскулачивание крестьян в 1929–1931 годах, вторая и третья — поляков из Западной Белорусии и Украины в 1939 — 1940 гг. В восточные районы страны в 1941 – 1943 гг. было выслано 554 тысячи немцев, почти полмиллиона чеченцев и ингушей, 183 тысячи крымских татар, 93 тысячи калмыков, 69 тысяч карачаевцев, 37 тысяч крымских греков, болгар и армян, 33 тысячи балкарцев. (Профессор Вадим Телицын. Волкодавы СМЕРШа // Трибуна. – 2010. — № 39. — С. 13.

⁶ Невольные сибиряки Из истории массовых депортаций народов СССР в Сибирь в 40—50-е годы XX века // Из истории земли томской. 1940 —1956. Невольные сибиряки: Сборник документов и материалов. – Томск: Об-во Мемориал, 2001. – С. 40–41.

Точно не помню, сколько мы укладывались, но помню, что нам велели торопиться. Потом выяснилось, что кому-то (деревенским) разрешали собирать вещи почти день. А кого-то торопили даже больше, чем нас, и эти бедные люди смогли схватить только самое необходимое, как при пожаре.

Естественно, что сначала мы думали: надо спешить, чтобы не опоздать на поезд. Но очень скоро поняли, что это совсем не так. Никуда мы не опаздывали, просто оперативники спешили доложить начальству об исполнении приказа. И погонять высылаемых людей, как скот — это входило в служебные обязанности работников «органов». Это было, так сказать, одним из элементов давно разработанной у них технологии депортации. Впрочем, слова «депортация» еще не было в ходу. Говорили просто — переселение, а то и еще проще — выселение.

С собой разрешили брать только самое необходимое. Мама потом рассказывала, что вес поклажи был очень ограничен — не то 30, не то 40 килограммов на человека. То есть столько, сколько мы можем поднять сами. Нас было четверо. Следовательно, взять с собой можно было только около 150 килограммов. И минимум «мест», — чемоданов или узлов...

Трехлетнюю Рину быстро одела няня и, спящую, держала на руках.

Мама собирала вещи — сначала детские, потом свои. Естественно, что в смятении она не сразу сообразила, что следует брать с собой. Хотела даже взять вечерние платья и строгие костюмы: «В чем же я буду делать визиты?» Но помог молодой милиционер. Впоследствии мама много раз с благодарностью вспоминала того сердобольного эстонца, давшего очень хороший и очень уместный совет. Он вдруг отвел маму в сторону и тихо сказал по-эстонски:

— Вы что, не понимаете, куда едете? Вас же в Сибирь повезут! И надолго! Так что берите самые теплые вещи, какие есть, и деньги с драгоценностями. И, конечно, еды побольше, что найдете.

Мама вспомнила эвакуацию из Риги в 1918 году, когда убежали от немцев в Витебск. И быстро решила:

— Берем большой бабушкин сундук. Вон тот, окованный железными полосами. Все вещи — туда. Зимние шубы, все, какие

висят в шкафу, потом вязаные вещи, обувь, одежду, одеяла, какое-то белье. А детские вещи и продукты — в два чемодана, во французский желтый и мой черный. Посуду металлическую, серебро, сколько войдет, в сумку. Вот в эту, какую разрешили.

Папа собрал документы, все, кроме паспортов — их сразу забрали немногословные штатские. Он упаковал в два своих дорожных чемодана самое дорогое, что у него было: альбомы с фотографиями, коллекции марок и старинных монет, свою дорожную одежду и предметы туалета. Для него это было привычным делом, так как он часто ездил в дальние края.

Мне было поручено сложить в свой большой школьный портфель письменные принадлежности и книги, мои и Ринины, на мой выбор. Эти книги потом оказались очень нужными. Их недолго и перечислить: несколько тонких раскладушек с картинками для Рины, «Волшебник изумрудного города», моя любимая «Что я видел» Бориса Житкова и томик Марка Твена с принцем и нищим, Томом Сойером и рекой Миссисипи. Но, как оказалось позже, тетрадь с писчей бумагой я все же не положил, забыл.

Через два часа нас свели вниз, в темноту. Там уже стояла открытая грузовая машина, полуторка ГАЗ-АА.

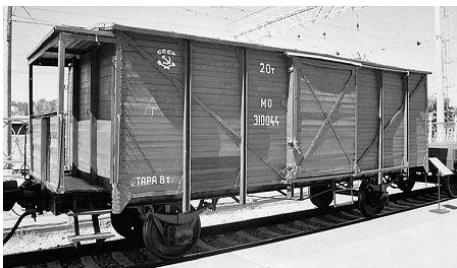
Красноармейцы помогли снести вещи.

Через 15 минут мы уже были на железнодорожной станции.

ИЗ ТАРТУ В НАРЫМСКИЙ КРАЙ

В тихом темном тупике, далеко за вокзалом, стоял длинный товарный состав из красных двухосных теплушек. Их почему-то звали телячьими. Впрочем, тогда других грузовых вагонов, равно пригодных для перевозки скота или людей, наверное, и не было.

Машина остановилась около открытой двери одного из первых вагонов. Папе велели выйти, объяснив, что мужчины до места назначения поедут отдельно от детей и женщин. Где это «место назначения», нам, естественно, не сказали.

Отец забрал свои два чемодана, прошел несколько шагов, поднялся в темную теплушку и, прощаясь, махнул нам рукой. Махнул только один раз. Больше не успел...

Солдаты с грохотом задвинули тяжелую дверь, отделив папу от нас...

Разве мы тогда могли подумать, что эта глухая дверь разделила нас навсегда? Этот пронзительный момент, словно стоп-кадр, всегда хранится в моей памяти: папа, стоящий с поднятой рукой в черном дверном проеме теплушки⁷.

Нас же провезли дальше, вдоль поезда, и так же, как отца, высадили из машины. Забросили в вагон вещи, а потом подтолкнули и нас с мамой и сестрой. Так же задвинули дверь, и мы остались в вагоне одни, в полной темноте.

Через некоторое время глаза привыкли к темноте. Через маленькое зарешеченное окошко под потолком проникал свет далекого станционного фонаря. Мы огляделись. Увидели слева и справа от входа двухэтажные нары, сколоченные из неструганых досок. Над нарами, под крышей четыре маленьких зарешеченных окошка. У двери в полу небольшая дыра. Тогда мы еще не знали, что эта дырка почти месяц будет служить нам туалетом.

Мы вдвоем с мамой волоком как-то протащили в дальний левый угол тяжеленный сундук, взгромоздили на нары остальные свои пожитки.

⁷ Примечательно, что трагический момент расставания с отцом сохранился не только в моей памяти. Так было у многих. В воспоминаниях поэта Варью, высланного из Пярну, читаем: «все эстонские дети, попавшие потом в детдома, забыв многое из того, что было до этого в детстве, навсегда запомнили, как уводили их отцов» (Томский вестник. – 11.06.1994 г. – № 110).

Мама, расстелив что-то на нарах, скомандовала:

— Дети, спать!

Рина действительно быстро уснула — шел четвертый час ночи. Я тоже лег. Мама не плакала, боясь, наверное, потревожить нас.

Но долго спать нам не пришлось. Через полчаса дверь вновь открылась. В наш вагон привезли еще одну семью, женщину с двумя девочками.

Спрашивает на эстонском:

— Кто здесь?

— Мы!

— Кто вы?

— Мы, евреи.

— А, значит, мы одни тут, — ответила эстонка и начала устраиваться на нарах рядом с нами. Позже она как-то сошлась с мамой и зимой, уже в Нарыме, мама не раз лечила ее маленьких дочерей. Потом дверь грохотала еще много раз...

Почему нас привезли первыми из всех, со всего города и его окрестностей? Может быть, нами открывался список высылаемых, так как на букву «а» никого не оказалось. Во-вторых, мы жили ближе всех от вокзала. Поэтому начали с нас.

Немного времени спустя доставили Капланов — тетю Гиту, младшую сестру отца, ее сыновей Яшу и Алика. Им тогда было 14 и 12 лет. Надо сказать, что мы даже обрадовались, увидев друг друга, и «поселились» на нарах рядом. Их отец дядя Миша, как и наш папа, был оставлен в «мужском» вагоне.

Когда заполнился наш вагон, стали открывать соседние. И так целый день 14 июня везли людей. Везли женщин, детей и стариков. Эстонцев, русских, евреев. Богатых (бывших такими до 1940 года) и бедных. Образованных и малограмотных. Интеллигентов и простых крестьян из окрестных хуторов Тартуского уезда.

Как отбирали людей для высылки, так и осталось не вполне понятным. Конечно, высылали, во-первых, состоятельных, «буржуев». Во-вторых, «идеологически чуждых». Например, Энта Моисеевна Крушкаль из Тарту была бедной, но образованной. Она делала доклады в сионистском обществе, была глубоко верующая, и поэтому тоже оказалась в «черном» списке...

Одна молодая эстоночка с хутора приехала накануне своей свадьбы в город, к бабушке — за приданым и разными продуктами. И поехала вместо свадьбы в Сибирь...

Все эти наши невольные спутники числились, выражаясь в терминологии тех лет, «социально опасными» (или чуждыми) элементами. Мы тоже считались опасными. А «социально вредные» были изолированы (то есть арестованы) до того, заблаговременно.

Мы ждали, что вскоре привезут и нашу бабушку Любу. После смерти деда Шлемы она жила одна. И бабушка часто ночевала то у дочери, то у сына. А в ночь на 14-е июня она была в своей квартире, в том же доме, где жили Капланы. Впрочем, возможно, ее и не было в списке лиц, подлежащих высылке: она в свои 73 года не могла быть причислена к социально-опасным элементам. Поэтому ее оставили дома. Но назавтра, когда она хотела проводить нас, ее не подпустили к поезду.

Какие приключения выпали вскоре на ее долю — об этом будет сказано ниже.

А у нас особых приключений уже не было: главное событие уже осталось позади, изъятие нас из привычного образа существования уже состоялось.

Утром 15-го июня дверь вагона задвинули в последний раз. Поезд тронулся и медленно, с невероятно длительными остановками на всех станциях, двинулся на юго-восток, в сторону Пскова. Вдоль всей железнодорожной насыпи стояли старушки-эстонки и кланялись, и крестились вслед поезду. Это напоминало похороны...

Надо сказать, что нас как-то организованно покормили, выдали кипяток, хлеб и какую-то невкусную похлебку. Продолжали кормить и позже.

Мама нашла мне занятие — вести дневник. Писать было не на чем, так как тетради я, как нерадивый ученик, забыл дома. Но выход нашелся быстро: я стал делать короткие карандашные записи на больших чистых страницах, которых оказалось очень много в книге Марка Твена. Отмечал, какие проехали станции, что ели, что видели за окном. К концу нашего «путешествия» набралось страниц десять, но много лет спустя, в 1949 году, мама их неожиданно сожгла. Она боялась, что их смогут увидеть со-

трудники НКВД: в то время среди евреев Томска прошла волна арестов, как в Москве и в других городах. Несколько раз. Но до обыска у нас не дошло: маму просто пожалели. Сказали — ради детей...

Но это было потом. А сейчас вернемся в июнь 1941 года...

Через неделю мы оказались неподалеку от Новгорода, на станции Старая Русса. Проехали около трехсот километров.

К долгим стоянкам нашего эшелона мы уже привыкли. Но на этот раз, простояв у вокзала почти ночь, мы почувствовали — что-то тут не то!

В открытые двери, под которыми стоял конвоир, стали доноситься какие-то непонятные голоса. Было видно, что вдалеке бегут люди, все в одном направлении. Как потом выяснилось, они бежали к вокзалу, к уличному громкоговорителю. По радио выступал нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов.

Скоро и до нас дошло страшное слово:

— Война! Германия напала на Советский Союз!

Взрослые в вагоне притихли, не знали, что думать, что предполагать. Стали говорить вполголоса, перешептывались. Все понимали, что война — это очень и очень плохо. Как оказалось потом, много позже, кое-кто из наших соседей по вагону откровенно обрадовался такому известию: скоро, когда победят немцы, нас освободят.

А внешне для нас, в нашей вагонной жизни, ничего не изменилось. Простояв в Старой Руссе какое-то время, мы поехали дальше.

Нас дорогой хоть и плохо, но кормили: на больших станциях были какие-то кухни, еду в ведрах и воду приносили дежурные, которых до очередного вокзала сопровождали конвойные с винтовками наперевес. Кипяток для «чая» был тогда на всех станциях... Что-то ели из припасов, взятых с собой. У женщин, приходивших к поезду, можно было купить картошку или домашние пирожки. Выдавали и черный хлеб. По совету опытных соседей по вагону мама ухитрялась из скромного пайка выделять какую-то часть и сушить сухари. Объясняла нам просто:

— Что поделаешь, дети — война. Сухари нам еще пригодятся.

И мама оказалась права — сухари понадобились нам очень скоро, уже через месяц...

Еще через неделю кругом пошли густые леса. Начались Уральские горы. Нам всем стало ясно и очевидно: больше сомнений нет, нас везут в Сибирь.

Во время продолжительных стоянок конвой иногда разрешал выходить из вагонов. Женщины приноровились мыться прямо на перроне, когда была вода. Отойдя чуть в сторону, две из них поднимали на вытянутых руках простыни, создавая какое-то подобие ширмы, за которой третьей можно было помыться.

На какой-то сибирской станции нескольких женщин повели на котлопункт. Рина попросила пить. А все местные жительницы смотрели на нас подозрительно, с опаской — вот, каких-то буржуев везут. Никто не дал напиться. Рина долго и безутешно плакала...

— Ты была такая хорошенькая, пока ехали, — рассказывала мама уже взрослой сестре. — Еще хорошо ухоженная, причесанная, чистенькая.

Иногда матерям с детьми разрешали погулять около вагонов. Солдаты охраны молча и как-то сумрачно наблюдали за происходящим. За две недели совместного пути конвойные и конвоируемые даже стали привыкать друг к другу.

Как-то к маме обратился один из молодых конвойных:

— Вы теперь ясно поняли, куда вас везут? В Сибирь, в тайгу, на край света!

— Ну, и что? — ответила мама. — Что мы можем поделать?

— Как что? Вы то там, скорей всего, пропадете, одни, без мужиков. Тем более, что война теперь, будет совсем плохо. А вот детей жаль! Так отдайте мне свою дочку, все равно помрет там, — так и сказал солдат открытым текстом. И продолжил: — Больно уж она мне понравилась, уже неделю смотрю на нее.

— Как это, отдать дочь?! Что это вы говорите?

— Очень просто: мы завтра будем проезжать город, где находится мой дом. Там у меня живут родители, братья, сестры. Я уже им сообщил телеграммой, что проезжать буду мимо них. Они придут на станцию, повидаться со мной. Вот и оставим им вашу доченьку. Скажем командиру, что отстала на станции. Настанут лучшие времена — заберете ее. А так ведь пропадет...

Мама не стала продолжать этот разговор. Но доброго солдата, тем не менее, поблагодарила... Она все время думала об одном: где же наш папа?

О судьбах наших мужчин ничего не было известно. Поискать их, пройти вдоль вагонов — об этом не могло быть и речи. Нам ничего о них не говорили. Почему такое произошло — осталось нам неведомо до сих пор. Возможно, что это было сделано по инициативе эстонского НКВД. Ведь депортация таких же спецпереселенцев из многих городов Латвии, Литвы, Молдавии и других мест происходила без отделения мужчин от их семейств. Впрочем, на этот счет могло прийти распоряжение из Москвы: в Севураллаге не хватало рабочей силы на лесоповале.

...Наш эшелон медленно продвигался на восток. А встречи нам один за другим шли воинские поезда, составленные из таких же теплушек, как наши. Мы смотрели на солдат, на танки и пушки, на лошадей и автомобили, и понимали: солдаты едут на войну, бить фашистов.

А солдаты с недоумением смотрели на нас, выглядывавших в маленькие зарешеченные окна и открывавшихся на остановках двери... На станциях, переговариваясь через пути, красноармейцы расспрашивали нас, интересовались, кто мы. Не многие из них понимали, кого это везут на восток. Переселенцев-крестьян, завербованных на работу? Или семьи врагов народа? Но наш «цыганский табор» не был похож ни на тех, ни на других...

В начале июля нас, наконец-то, выгрузили на степной станции Каргат, в двухстах километрах западнее Новосибирска. Разместили прямо на бетонном полу, в больших пристанционных зерновых складах, пустовавших в это время года. Чем-то накормили, но без горячей пищи. Понятно, что ночью нас одолели мыши, которые бегали прямо по спящим людям.

В этих бараках было очень шумно, и днем, и ночью, так как сотни людей, набитых в эти сараи, не умолкали. Плакали голодные дети, причитали старушки... А совсем рядом находились пути железной дороги Транссибирской магистрали, по ним беспрерывно с грохотом и гудками проносились поезда.

Ужасным оказалось то, что на этом перевалочном пункте не нашлось туалета. Наверное, он где-то и был, но за пределами «зоны» нашего временного расположения. За домом, на улице,

обнаружились огромные зловонные кучи испражнений. Мама потом вспоминала:

— Наша попутчица Тамара Исурина, тоже из Тарту, никак не решалась туда сходить. Я ее долго убеждала: возьми же себя в руки, идем вместе. Ну, сходили...

Утром объявили, что теперь мы будем жить в деревне, находящейся недалеко от станции. Из нашего эшелона отобрали часть людей, в основном, эстонцев-хуторян, погрузили на большие телеги, запряженные волами, и куда-то увезли. Оставшимся предстояло провести в этих складах еще одну ночь. В числе уехавших была и Энта Крушкаль, с тремя детьми — три года, два и грудничок.

Но наутро быки притащили обратно телеги с нашими несчастными спутниками. Смотрим, а у Энты только двое детей. Грудничка уже нет, умер...

Оказывается, председатель тамошнего колхоза сказал:

— Везите всех их обратно, иначе все помрут. Нам самим есть нечего!

И нас снова погрузили в вагоны, в тот же эшелон, и повезли дальше. Везли недолго.

Следующая остановка — Новосибирск. Большой город, центр Западно-Сибирского края. В окошко видны большие дома, много людей и много автомобилей.

Выгрузили на каменистый берег Оби, где железнодорожные

пути подходили к большому элеватору. Вскоре, в тот же день, подошел большой красивый пароход «Киров», флагман Обского речного пароходства. Погрузились на него по шатким сходням, разместились в большой общей каюте и поплыли вниз по широкой разлившейся реке.

Удивительно, как в этот пароход вместились несколько сот человек⁸. Но часть эшелона все же на него не вошла, осталась на берегу. Было тесно, и в нашем третьем классе, и на палубе, и внизу, около больших гребных колес, где громко пыхла жаркая паровая машина. Здесь нам, как и ранее в поезде, выдали какой-то сухой паек и кашу. Но на верхней палубе, в первом классе, были салон с роялем и буфет. И там еще можно было что-то купить за деньги. Война сюда в полной мере еще не дошла. Много раз, на протяжении голодных военных лет, я вспоминал этот буфет: здесь мы досыта и вкусно поели, завершив трапезу стаканом сметаны. Этот обед был последним из сытого довоенного времени.

На третий день пути нас высадили в Каргаске, на песчаном левом берегу Оби. И сразу же погрузили на небольшую деревянную баржу, которую по-местному называли «паузок». Но теперь уже не всех, только человек сто. Остальные остались ждать другого транспорта.

Баржу взял на буксир небольшой катер, газогенераторы которого заправлялись маленькими чурочками. Он потащил баржу вниз по Оби. Потом поплыл влево, по темноводному Васюгану. В переводе с хантыйского Васюган значит «темная вода», «коричневая вода». В каких-то местах на берегах Васюгана лежали большие кучи заготовленных чурочек. Когда останавливались для погрузки, то не только команда была занята этим делом, но и пассажиры — для скорости.

Первая остановка — поселок Новоюгино, на правом берегу Васюгана, в 15 километрах от устья. Стоим недолго, но успели сходить в магазин. Купили толстую книгу в хорошем синем переплете — алтайский народный эпос «Алтай буучай», Новосибирского (Западно-Сибирского) издательства (как потом оказалось, во всем крае только эта художественная книга и продавалась свободно). Купили мне летние полуботинки, что-то из еды и

⁸ Как следует из решения Новосибирского облисполкома от 23 июня 1941 г., в области предполагалось расселить всего 17815 (по другим данным — 21815) человек, в том числе 9115 из Эстонии. Причем на территории нынешней Томской области — 7792 человека. Из них в нынешнем Каргасокском районе — 1983 человека. (Данные из книги: Невольные сибиряки Из истории массовых депортаций народов СССР в Сибирь в 40—50-е годы XX века // Из истории земли томской. 1940 — 1956. Невольные сибиряки: Сборник документов и материалов. — Томск: Об-во Мемориал, 2001. — С. 40—41.

красивую в цветочках фарфоровую сахарницу Ломоносовского завода. Сейчас мне думается, что, несмотря на всю тяжесть ситуации, надежды на светлое будущее маму не оставляли... Следовательно, еще сохранялся определенный оптимизм. Другими словами: была бы сахарница, сахар найдется...

Потом были селения Напас, Наунак и поселок Усть-Чижапка, на 150-м километре судового хода от устья. Далее катер потащил баржу по очень извилистой и очень узкой речке Чижапке, буквально цепляясь за ветки прибрежных кустов. Эта река имела и другое, селькупское название Вень-Еган, то есть «узкая река».

За подступавшими к низким берегам деревьями не просматривались никакие признаки существования человека. Никакого конвоя, никакой охраны здесь уже не было: убежать некуда, общаться не с кем. И тут, на барже, мы впервые ощутили, что такое нарымские комары.

Все пассажиры-невольники притихли...

Рина страшно заболела. Как говорила мама, сестра чуть не умерла. Она без движения лежала на детской подушке, которую мама положила прямо на палубные доски. Батистовые наволочки всё рвались от гвоздей и заноз, и мама их выбрасывала за борт. Какие мы были наивные!...

Еще через 110 километров наш долгий путь закончился. Баржа и катер пристали к невысокому глинистому обрыву, куда по узким сходам переместились сначала люди, а потом и наши вещи. Оказалось, что это и есть конечный пункт нашего назначения — поселок Юрты Еремино (его называли просто Еремино). Так — Юрты Иваново, Юрты Степаново и т.д. — назывались все стойбища аборигенов здешней тайги селькупов, сколько бы семей в них не жило.